

Петербургская благотворительность: частное дело государственного масштаба

«Помощь социально незащищенным слоям населения» в Петербурге появилась гораздо позже, чем собственно эти слои, и долгое время оставалась прерогативой частных благотворителей. Даже через 200 с лишним лет своего существования государственная соцзащита серьезно уступала частной и по масштабам, и по качеству.

КОНСТАНТИН ШОЛМОВ

В допетровскую эпоху нищие, сироты, инвалиды, одинокие старики традиционно могли найти поддержку в монастырях или прямо в богатых семьях: институт приживалок и приживальщиков был широко развит, особенно в купеческой среде. Но кардинальные изменения в жизни общества, война, затянувшаяся на два десятилетия, тотальная мобилизация населения, да и оскудение монастырей привели к тому, что в новорожденной Российской Империи появились огромные люмпенизированные массы. Разорившиеся крестьяне и отставные солдаты, спившиеся моряки, военнопленные, беженцы, сироты, количество которых исчислялось сотнями тысяч — значительная часть этого сброда по своей воле или под давлением обстоятельств оказалась в Санкт-Петербурге, который в 1710-е годы больше напоминал не европейскую столицу, а разудалое пиратское гнездо на Тортуге. Любивший решать все вопросы в «ручном режиме» Петр Первый в 1712 году распорядился «учинить» специальные учреждения по призрению калек и стариков, а также «гошпиталей» для приема и прокормления «младенцам, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убивства». Впрочем, ни этот, ни последующие указы государя не были выполнены по банальной причине: казенных средств на них не отпускалось. Крайне раздраженный, Петр решил проблему «лишних людей» со свойственной ему энергией: всех «гулящих людей», даже иночского чина, хватили и, бив батогами, отправляли на фабрики. Малолетних сирот младше десяти лет предлагалось раздавать всем желающим «в вечное владение», а старше — «писать в матрозы и присылать в Санкт-Петербург в Адмиралтейство», что, с учетом колоссальной смертности на флоте, было скверной альтернативой.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Вторично решить проблему пауперизма государство решилось только при Екатерине II, повелевшей создать в каждой губернии «приказ общественного призрения» с весьма широкими обязанностями: попечение и надзирание об установлении и прочном основании народных школ, сиротских домов, больниц, богаделен, домов для призрения неизлечимых больных, домов для сумасшедших, рабочих домов, смирительных домов и так далее. Дело и теперь пошло не слишком быстро — в столице империи приказ удалось создать только пять лет спустя. Главной причиной было все то же отсутствие денег. Екатерина, впрочем, не только распорядилась выделить из казны на эти цели по 15 тыс. рублей на каждую губернию,

но и подала личный пример, отдав приказу 52 659 рублей, собранных петербургским дворянством и купечеством на сооружение памятника ей же. После этого пожертвования полились рекой: только на открытии Петербургского приказа общественного призрения было собрано больше 32 тыс. рублей. Для аристократов такие пожертвования являлись возможностью проявить себя в деле «улучшения нравов», для купцов и духовенства — заявить о себе и повысить свой статус. Попечительская тусовка с тех пор и до самой революции становится кратчайшим путем к подножию императорского трона. Примечательно, что на торжествах по поводу открытия сироты и призреваемые получили торжественный обед общей стоимостью в 40 рублей, тогда как собравшиеся гости — завтрак от имени губернатора, за который приказу пришлось из своих сумм уплатить за кушанья 160 рублей трактирщику Хюгету и за напитки 85 рублей погребщику Радышевскому.

Важным новшеством стала возможность для благотворительных организаций распоряжаться собранным капиталом, а именно отдавать его в рост. На рубеже XVIII и XIX веков именно в подведомственных приказам общественного призрения учреждениях можно было взять крупную — до 1000 рублей — ссуду. Что, естественно, приводило к многочисленным махинациям. Руководители приказов при этом назначались из судейских чиновников, что довольно точно иллюстрирует

общее отношение к проблеме. Забота о подопечных приказа воспринималась скорее как досадная необходимость. Недаром, как только в Петербурге появился Смирительный дом (исполнявший в том числе функцию ночлежки), полицейские власти начали отправлять в него всех без разбора, причем «на бессрочное содержание», то есть пожизненно! Чаша терпения приказных переполнилась, когда таким образом им прислали солдатку Васильеву, «взятую в пьянстве и без паспорта». Чиновники отправляют Васильеву обратно полицейским, сопроводив меланхолическим пояснением, что «в виду неопределенности закона, кто кого и как смирять должен» необходимо про каждого подопечного «впредь объяснять о таковых подробно их презрительные поступки, и коликое время усмирение долженствует продолжаться, а без означенного объяснения впредь таковых присылаемых на смирение принимать не будет».

Немало хлопот на первых порах доставила приказу и богадельня. Приняв в свое ведение Василеостровскую богадельню, приказ нашел в ней «2-х неизлечимобольных, 3-х дряхлых, 4-х престарелых, 6 отроков, 5 младенцев и богаделенных». Об условиях их содержания лучше всего говорит тот факт, что, едва увидев чиновников, большинство помещенных в богадельню «объявили желание быть освобожденными на свое пропитание, причем обещали представить росписки благотворительных людей, что не допустят их до нищенства». → 27

В XVIII веке Петербург больше напоминал не европейскую столицу, а разудалое пиратское гнездо на Тортуге. Постепенно порядок в городе был восстановлен, но отдельные очаги неблагополучия дожили до середины прошлого столетия
Фото ИТАР-ТАСС